

НАРОДЫ СССР

С. И. Грица. Мелес української народної епіки. Київ. 1979, 247 с.

В современной музыкальной фольклористике отчетливо прослеживаются две весьма важные тенденции: во-первых, рассматривать песенные фольклорные жанры и тексты как «двуединный организм», в котором музыка и слово взаимодействуют сложным образом; во-вторых, изучать этот целостный песенный феномен в контексте народного быта, народной истории, этнической специфики (термин «этномузыкология» удачно подчеркивает такое направление в изучении народной музыкальной культуры).

Именно в связи с названными плодотворными тенденциями и следует воспринимать новую работу С. И. Грицы, хорошо известной своими трудами по теории фольклора и истории славянского народно-поэтического творчества.

Рецензируемая книга представляет собой довольно органический сплав собственно теоретической и историко-фольклорной проблематики, по-настоящему актуальной для нашей науки и связанной в первую очередь с обширным кругом эпических жанров. Для С. И. Грицы принципиально значимым является понятие «народная эпика», которым определяется динамичная многожанровая система, включающая баллады, думы, исторические песни, хроники... Такой подход предполагает одновременно утверждение известного единства и четкую дифференциацию. Проблемы классификации, естественно, занимают в книге важное место и разрабатываются в духе утвердившихся в советской науке принципов с обязательным подключением к ним проблем исторического развития фольклорного творчества и процессов жанрообразования. Сжатые, основанные на проработке обширного материала и учитывающие научную традицию характеристики каждого жанра весьма содержательны, четки и, что очень важно, соотносятся с данными по эпическому творчеству других славянских народов.

С. И. Грица находит новые существенные обоснования прежним идеям о генетической зависимости рассматриваемых ею жанров от более древних фольклорных форм, в частности от былин и архаических песен балладного типа. В отличие от своих предшественников автор подчеркивает эти генетические связи, которые предстают как важное начало в поэтике и мелосе изучаемых явлений. Удачным надо признать свежий по материалу и вполне убедительный анализ украинских дум и обрядовых песен в сравнении с былинами, преимущественно на уровне стилистики, поэтической лексики, элементов композиции. Однако в этом сопоставлении несколько проигрывает музыкальный компонент, «параллельность» которого не выявлена столь же конкретно. Возможно, он требует сопоставлений в ином контексте. Пример напева севернорусских былин (с. 71) в достаточной мере случаен как для собрания А. Д. Григорьева, так и вообще для мезенской эпической традиции, которую он представляет (кстати, не очень понятно, почему этот напев приведен в качестве «колона»). Наглядная схема генетических взаимоотношений эпических жанров (с. 23) в целом убедительна, хотя остается под сомнением отмеченная в схеме вероятность генетического воздействия на думы сказок.

С точки зрения собственно музыковедческой классификация украинской эпики проведена автором последовательно и логично. Наиболее удачно ее «высшее звено» — деление на строфичные и астрофичные формы. Такое противопоставление по вполне, казалось бы, формальному признаку в действительности выявляет интонационно-мелодические и ритмико-текстологические процессы и оказывается актуальным не только для украинского песенно-повествовательного фольклора, но и для различных видов фольклора разных этносов. Продолжение столь же последовательного членения на следующие уровни уже не выглядит таким безусловным. Возникает вопрос: не следовало ли более определенно развести ряды логической классификации и реального жанрообразующего процесса, имея в виду, что этот последний может все-таки лишь угадываться гипотетически и — только в некоторых своих звеньях?

Логическая классификация особенно хороша там, где она дополняется продуктивным описанием конкретного материала, проникновением в реальный процесс на сравнительно коротких исторических отрезках. В этом смысле хотелось бы отметить такие точно найденные и живые «узелки», как сравнения с валашскими песнями и пастушеской инструментальной музыкой или прослеженную автором трансформацию напева баллад в исполнении кобзарей. Эти примеры показывают, как продуктивно объединение логически хорошо обоснованных рассуждений со скрупулезным анализом реальных песенных явлений. В этом отношении особенно показателен и выигрышен раздел, посвященный думам. Видимо, классификация и обобщения внутри определенного стилистического единства более естественны, логичны и лучше смыкаются с конкретным материалом.

Актуальной является характеристика историзма украинской эпики, основывающаяся на учете фольклорной специфики отражения действительности и жанровой дифференциации. Такой учет принципиально важен, он уберегает от упрощения проблемы

и позволяет проникнуть в суть связей эпоса и истории. Признавая основательность выводов автора, можно все же оспорить утверждения о реалистическом восприятии действительности, характерном для украинской эпической поэзии новой исторической эпохи: литературоведческая категория реалистичности в применении к эпосу мало оправдана и не очень продуктивна — эпос на всем протяжении своего развития так или иначе связан с предшествующей традицией и ею обусловлен, подчинен законам эпического творчества, хотя, разумеется, с течением времени в нем усиливаются эмпирические связи, «хроникальное» начало, и украинская поздняя эпика дает в этом отношении весьма выразительные примеры.

В методологическом и конкретно-историческом плане важна глава «Эпическая среда», в которой речь идет не просто о среде создателей, исполнителей, о «бытовании» эпоса, но и о среде в этносоциальном смысле, формирующей, говоря словами автора, «модус мышления и языка» в соответствии с уровнем историко-стадиального развития. Проблемы эпической среды тем самым оказываются до известной степени ключевыми для анализа конкретного песенного материала. Особое внимание в книге уделено социологической характеристике эпической среды с учетом очень существенной для нее историко-территориальной дифференциации: этот вопрос, как известно, имеет большое значение в эпосоведении вообще и в изучении эпоса некоторых народов в особенности. Почему одни области расселения этноса оказываются очагами эпического творчества, средоточием активных исполнительских школ, в то время как другие почти не знают эпической традиции либо культивируют какие-то «свои» формы? Эти вопросы актуальны для историков русского, южнославянского, армянского, карело-финского эпоса и др. С. И. Грица не только детально описывает географию живого функционирования жанров украинской эпической поэзии, но и объясняет ее, внося в эти объяснения историческое начало и связывая сложившуюся дифференциацию, с одной стороны, с древней фазой формирования восточнославянской общности и эпической традиции русских, украинцев, белорусов, а с другой — с более новой эпохой борьбы украинского народа против татарско-турецкого и польско-шляхетского гнета. Наблюдения и выводы С. И. Грицы, несомненно, заинтересуют исследователей эпоса других славянских народов. Может быть, ею только традиционно несколько преувеличена роль скоморохов в поддержании и развитии традиций древнерусского эпоса.

О вариативности фольклора пишут, можно сказать, все. С. И. Грица не просто выделяет эту тему как принципиально значимую и обсуждает различные ее аспекты, внося немало нового в понимание природы и специфики фольклорной вариативности. Она последовательно стремится самую методологию анализа строить на основе осмысления вариативной природы явлений. В книге подробно обосновывается понятие песенной парадигмы, определяемой как «вариантный ряд одного произведения, образующийся вследствие исторического и пространственного движения песни, обладающий тождеством функционально-опозиционных признаков» (с. 231—232). Впрочем, это определение беднее и развернутой характеристики парадигмы на с. 36—44, и примеров анализа конкретных вариантов в других местах книги. С одной стороны, это весьма широкая абстрагированная категория, в которую как будто вписываются более привычные для музыковедения понятия «песенная семья» и «песенный тип», служащие рабочими моделями при анализе народной песни. С другой стороны, внутри песенной парадигмы автор последовательно выстраивает основные уровни различия вариантов: смысловое и структурное единство; смысловое единство при структурных несоответствиях; синонимические варианты с разночтениями в тексте и изменениями мелодики и ритмики; структурные варианты, объединяющие разные тексты общностью ритмики и мелодического контура (с. 36, 37). Это позволяет осуществить совместное рассмотрение текста и напева. Можно, впрочем, оспаривать универсальную продуктивность такого метода при решении конкретных задач музыкальной фольклористики — вспоминается здесь исследование К. В. Квитки «Украинские песни о матери-детоубийце», которое не без оснований было названо однажды «оригинальным экспериментом с негативным музыковедческим результатом». При всем том песенная парадигма выступает мощным организующим стержнем, благодаря которому удается показать широкую перспективу жизни эпических произведений, что недостижимо, если оставаться на позиции анализа отдельных напевов.

Для дальнейшей разработки теории песенной парадигмы следует учесть закономерную возможность возникновения вариативности, не обусловленного движением песни во времени, но вытекающего из самой природы фольклорного творчества, которое не признает «единственных» художественных решений и заведомо предполагает неизбежность параллельных разработок.

С песенной парадигмой в книге диалектически связано понятие модуса мышления среды. На нынешнем этапе развития фольклористики оно, на наш взгляд, определимо не столько по элементам свойственной ему структуры, сколько по результатам воздействия, которое «модус» оказывает на сам материал, и, вероятно, в пределах более широких, чем изолированно взятая группа видов фольклора. Следует, возможно, учитывать перспективность другого, сходного, но уже принятого в науке, хотя и недостаточно еще разработанного, понятия «местная песенная традиция»: достоинство его в несомненной связи с диалектными языковыми системами и еще в том, что за ним стоит совокупность всех (или многих) жанров в их местном выражении. При большей конкретности «модуса музыкального мышления» выигрывает и содержание понятия песенной парадигмы: ведь вариантное развертывание (по автору — «расщепление вариан-

тов») оказывается прерывистым, местные песенные традиции притягивают и могут преобразовывать эпические песни или заново оформлять эпические сюжеты в своей музыкальной системе.

Разумеется, высказанные соображения носят дискуссионный характер. Достоинство книги С. И. Грицы в том, что она вызывает на размышления, зовет к продолжению дискуссий по разным — общим и более частным — вопросам, возбуждает научную мысль. Теоретическая напряженность и проблемность при обилии конкретных анализов, находок, методических предложений и четкости исходных позиций — все это составляет безусловные достоинства книги, которую можно в целом расценить как заметный вклад в фольклористику.

Е. Е. Васильева, Б. Н. Путилов